

АРТИСТ БОЛЬШОЙ ПРАВДЫ

Есть актеры, которые отличаются своим особым творческим почерком. Их лицо может быть до неузнаваемости изменено гримом. Но все равно их можно узнать по тому неповторимому, индивидуальному, что они приносят в свою работу. Это бывает тогда, когда артист глубоко пропускает роль через себя, сам проживает внутреннюю жизнь изображаемого человека, прежде чем выйти в его внешнем облике на сцену.

К таким настоящим, глубоко творческим сценическим работникам принадлежит артист Русского драматического театра им. Крупской Степан Корнильевич Кочеев. Какую бы роль ни исполнял Кочеев, его игру всегда отличают два качества: мягкость, ненавязчивость, можно сказать, благородство актерского приема и глубокая, многосторонняя разработка внутренней жизни изображаемого им человека. Даже в том случае, когда артист выступает в ролях, написанных с явным подчеркиванием, заострением каких-либо черт персонажа, он все равно продолжает не представлять, а ЖИТЬ на сцене, неизменно отказываясь от соблазнительного пути театральные эффекты, внешне выигрышного сценического нажима.

Зато те образы, которые создаются на сцене театра талантливым артистом, всегда содержательны, многоплановы и по-настоящему убедительны.

Впервые увидеть Кочеева мне довелось два года назад в спектакле «Потерянный сын» в роли Охотникова-старшего. И, надо сказать, что это был наиболее интересный и запомнившийся Охотников-отец из всех, которых пришлось увидеть, просмотрев этот спектакль на сцене очень многих театров. То, чем привлек тогда этот образ, мож-

но охарактеризовать одним словом: глубина. Вся большая жизнь этого человека, его биография, весь его интересный и сложный внутренний мир, сложившийся за многие годы труда, поисков, раздумий, — все было рассказано со сцены актером.

В театре существует очень важное понятие: второй план. Это та внутренняя жизнь героя, о которой прямо не говорится в тексте. Ведь персонаж на сцене находится считанные минуты — обо всем не расскажешь. И настоящий артист через взгляд, интонацию, паузы, жест и т. д. рассказывает о многих вещах, о самом тонком и сложном в своем внутреннем мире, для выражения чего не всегда легко даже подобрать нужные слова.

Вот этот второй план и был чрезвычайно богат у Кочеева в спектакле «Потерянный сын». Отсюда и большая убедительность игры, и отношение к персонажу, как к живому человеку, вызывающему желание продлить знакомство, узнать его больше.

И вот через два года новая встреча. С Кочеевым — Омор, муж Шаиргуль, в спектакле «Обжалованию не подлежит». Роль маленькая, полужизническая, при ярком исполнении совершенно незаметная. Но и на этот раз образ, созданный С. Кочеевым, оказался и интересным, и запоминающимся. Раньше, чем Омор-Кочеев сказал хоть слово, мы уже прониклись симпатией к этому немолодому, полному человеку, поверили в то, что это хороший человек, с уверенностью решили, что он ученый. Как же это достигается артистом? Прежде всего, у Кочеева очень умный, внимательный и открытый взгляд. Глаза — самое сильное и убедительное средство воздействия артиста на зрителя, им больше всего веришь в театре, и это хорошо знает Кочеев, у которого на сцене всегда интересно и разнообразно живут глаза. Затем — движения: спокойные, уверенные, но не быстрые, не властные, чуть-чуть даже медлительные. Это тоже наталкивает нас на представление о человеке, который скорее встретится на кафедре или за письменным столом, чем в кабинете руководителя производства. Так шаг за шагом и создается на сцене убедительный и многогранный портрет Омора — человека большого ума, такта и большой души.

И благодаря игре артиста в спектакле без всяких объяснений становится ясным то, что было не вполне понятно в пьесе. Почему Шаиргуль — молодая красавица, продолжающая вдобавок любить Нурдина, вышла замуж именно за этого немолодого уже человека.

В спектакле «Третья голова» С. Кочеев исполняет отрицательную роль адвоката Майяра. Роль сатирическая, разоблачительная. Казалось, что здесь уж актер во-

лей-неволей должен будет отойти от своей манеры игры, искать какие-то иные, более острые и подчеркнутые приемы раскрытия облика своего персонажа.

Но и в этой роли Кочеев, как это ни было неожиданно, остался полностью верен себе, своему пути создания образа. Его Майяр нигде не показывает, что он прожитый циник, эгоист и порядочный негодяй, нигде не подталкивает публику к этому выводу. Наоборот, его Майяр с первой до последней минуты спектакля ведет себя, как безукоризненно честный, хороший и благородный человек, не допуская ни малейшего сатирического нажима. Даже когда он дерется со своим коллегой Бертолье — он ведет себя как борец за правду. Когда он встречается с его женой, своей любовницей Робертой, — он и тут стремится предстать чистым и романтическим. И лежа (без бровь) на столе под ножом наемного убийцы, он и здесь старается сохранить какое-то достоинство, хотя текст позволяет без нарушения логики образа сыграть сцену животного страха и вывернуть наизнанку мелкую душонку Майяра. Артист отказывается и от этой соблазнительной возможности. Правом ли это? Думается, что не только правоммерно, но что такой подход является одним из наиболее сильных и глубоких по своему разоблачительному значению (разумеется, нельзя отрицать закономерности и иных путей в сатирическом жанре). Ведь в жизни мало кто из людей отдает себе полный отчет в своих слабых сторонах и недостатках. Люди чаще или совсем их не замечают, или находят для них «убедительные» оправдания. В собственных глазах Майяр — герой, образец человека, незаурядная и благородная личность. Об этом ему все время говорят и окружающие. Таким и стремится сыграть его артист — во всем блеске его самообольщения. А сами жизненные события и место, которое Майяр в них занимает (борьба за смертный приговор для Валорана без уверенности в его виновности, связь с женой приятеля, согласие на осуждение явно не виновного алжирца и т. п.) полностью разоблачают Майяра, показывают до конца его истинное неприглядное лицо. В результате получился образ не только сатирический, смешной, но и не лишенный психологической глубины.

В наше время одна из важнейших задач театра — глубинный рассказ о человеке, настоящее раскрытие его внутреннего мира во всей глубине и сложности. Среди артистов, наиболее успешно работающих в этом направлении, может быть с полным правом названо имя Степана Кочеева, тонкого мастера сцены, артиста большой жизненной правды.

К. КРИВИЦКИЙ,
театровед.

Г. Фрунзе.

«Новый мир» № 1

18 АПР 1953